

Нелли Гросхайнц-Лаваль
Макс Бенцингер

Закладка
Камня Основы
Первого Гётеанума
20 сентября 1913 года

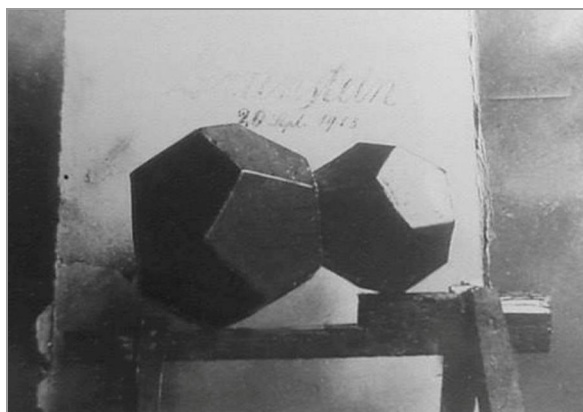
Из воспоминаний о Рудольфе Штайнере

Переводчик: *Алексей Жиров*
Редактор: *Кира Езерская*

Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

2022

bdn-steiner.ru

Нелли Гросхайнц-Лаваль

Торжественный момент закладки Камня Основы Первого Гётеанума
20 сентября 1913 года

О ходе закладки Камня Основы на физическом плане я хотела бы рассказать простыми и скромными словами. Я бы даже хотела вернуться немного назад, чтобы описать суть того, как оказалось, что здание, запланированное к постройке в Мюнхене, всё же должно было быть построено на этом, в то время ещё нетронутым, холме, веками носившем имя «Кровавого холма»¹.

Мы владели там двумя гектарами земли, там была наша летняя резиденция, — в одном-единственном доме, в Хаус Бродбек. Сегодня он расширен и в нём находится «Рудольф Штайнер Хальде». Осенью 1912 года, после базельского цикла, посвящённого Евангелию от Марка, госпожа фон Сиверс, её сестра и госпожа Валлер должны были там отдохнуть, тогда как Рудольф Штайнер собирался посетить Эдуарда Шюре в Барре (Эльзас) и Кристиана Моргенштерна в Граубрюндене. Затем путешествие должно было продолжиться в Италии.

Однако, ко всеобщему удивлению, д-р Штайнер остался в Дорнахе, обошёл все окрестности и даже забрался в пещеры Арлесхайма.

Затем он посетил нас в Базеле, где состоялся следующий разговор.

Д-р Штайнер: «Что вы собираетесь делать с этой землёй?»

Д-р Гросхайнц: «Когда я покупал её, то сказал моей жене: будущее покажет, зачем я купил так много земли».

Я: «Я бы хотела, чтобы мы построили там загородный воспитательный дом, в котором дети могли бы развиваться правильным образом».

Мы знали о мюнхенских препятствиях, и поэтому мой муж ответил:

«В Дорнахе свободное строительное законодательство».

«И у Базеля благоприятная теософская Карма», — добавил к этому д-р Штайнер.

Затем он рассказал о шагах в Мюнхене, из-за которых лишь теряется время, и уже тогда произнёс то, что ему приходилось повторять так часто: «Времени у нас нет».

«Ну, — сказал мой муж, — если вам нужна земля, то вот она».

В конце февраля 1913 года, после нового долгого ожидания, проект был снова отклонён Мюнхенской комиссией. Вскоре после этого последовало решение Союза Иоаннова здания: строить на нашем холме. Поскольку мы владели только передней частью холма — где

¹ В память о битве при Дорнахе, состоявшейся 22 июля 1499 года. Тогда на поле битвы сошлись войска римского императора Максимилиана I и Швейцарской конфедерации. Победа осталась за последними, что привело к фактическому утверждению независимости Швейцарии от Священной Римской империи. Официально, однако, эта независимость была признана лишь в 1648 году. — *Прим. пер.*

сегодня стоит здание, — то поняли, что необходимо приобрести и оставшуюся часть. Наши цюрихские и бернские друзья профессор Гизи, госпожа Хиртер-Вебер и госпожа Шиб помогли это осуществить.

Для меня важно упомянуть, что всё было инициировано д-ром Штайнером. Если бы мы взяли на себя инициативу сменить место строительства, то ощущали бы это как предательство по отношению к нашим дорогим, беззаветно преданным делу мюнхенским друзьям. Мы чувствовали, насколько болезненно должно это быть для них: потерять здание, под которое уже приобретена земля.

И я была благодарна госпоже д-р Вегман за следующий её рассказ, позволяющий отвечать в том случае, если кто-то будет говорить, что вести здесь строительство неправильно:

«Я приехала в 1905 году из Голландии и направлялась в Цюрих, чтобы получить там образование в области медицины. По пути я заехала в Берлин, где смогла послушать д-ра Штайнера, — и обратилась к госпоже фон Сиверс за советом, не следует ли мне изучать медицину в Берлине, ведь я могла бы посещать тогда все лекции д-ра Штайнера. Госпожа фон Сиверс ответила мне: „Поезжайте в Цюрих. Всё наше движение окажется в Швейцарии“».

Судьбоносные слова, сказанные в 1905 году!

И д-р Вегман, благодаря этому совету госпожи фон Сиверс, стала единственным среди членов нашего общества врачом со швейцарским дипломом, что после войны открыло в Швейцарии возможность для д-ра Штайнера внести практический вклад в развитие медицины.

Судьбоносные слова также и для антропософской работы, указывающие на карму, укrywшую от надвигающихся бурь войны здание, которому предстояло стать родным для стольких душ.

Благодаря этому высказыванию госпожи фон Сиверс можно также понять, насколько велика была угроза, витавшая над движением Рудольфа Штайнера. В 1911 году швейцарско-немецкие ложи получили из Женевы сообщение о том, что четыре местные ложи, присоединённые к Парижу, были преобразованы в семь лож, чтобы получить национальную хартию, каковая и была незамедлительно выдана им госпожой Безант. И в Женеве было сформировано национальное правление, на которое возлагалось руководство всеми ложами в Швейцарии. Правление всегда должно было состоять из семи председателей семи лож. В соответствии с действовавшим тогда уставом Теософского общества генеральный секретарь одной национальной секции не мог без приглашения выступать на территории страны другой секции. Так что через женевские ложи можно было сделать так, чтобы Рудольф Штайнер больше не имел возможности читать лекции в Швейцарии. Потребовалась упорная борьба, которую вёл д-р Эмиль Гросхайнц, чтобы добиться от госпожи Безант отзыва швейцарской хартии и чтобы было признано право швейцарско-немецких лож считать себя принадлежащими к движению д-ра Рудольфа Штайнера.

Будет нелишним напомнить об этом. Осознание духовных препятствий, сопротивления, борьбы расширило и укрепило души людей, которым предстояло нести ответственность за совместную работу.

И они были настроены серьёзно, когда настал момент, уместный для того, чтобы могла состояться закладка Камня Основы. Я бы сказала, настроены серьёзно до озабоченности, если бы благодаря существованию Рудольфа Штайнера люди не поднялись над заботами. Люди знали, что вынести заботы у них хватит сил.

И вот настал памятный день. Д-р Штайнер назначил дату только за три дня, и знали о ней лишь немногие. В день уведомления — вечером — д-р Штайнер первым начал копать, и затем копать продолжили присутствующие члены общества. Два дня подряд велась лихорадочная работа: днём — рабочими, вечером — членами общества.

20 сентября всё было готово. Девять ступеней вели вниз. Небольшая забетонированное углубление ожидало Камня Основы.

Церемония была назначена на 6:30 вечера, но смогла начаться только после семи. День проходил в настроении, полном ожидания. Был доставлен Камень Основы — два спаянных вместе медных додекаэдра, один побольше и один поменьше, общей длиной около метра. Размеры были указаны самим Рудольфом Штайнером. Позднее инженер Энглерт рассказывал мне, что когда после закладки Камня Основы он делал расчёт здания, то расчёт не сходился, всё время выходил остаток. И тогда Энглерт заметил, что размер Камня Основы покрывает этот остаток.

О пергаменте для грамоты — изготовленном из кожи молодого бычка — позаботился граф Лерхенфельд. И днём д-р Штайнер был занят, нанося текст. Затем он прочитал нам его. — Также он осмотрел место, на котором должен был быть зажжён огонь, освещающий происходящее. Из старых, высохших деревянных жердей была сооружена мощная колонна. Господин Вильгельм Зеллинг из Берлина уложил их и заверил нас, что как бывший колониальный офицер он сумеет устроить всё так, чтобы не подвергать риску окружение. Также были принесены смоляные факелы, которые собравшиеся подняли вверх, образовав огненный венок.

В течение дня небо было затянуто облаками, и когда мы собрались, поднялся сильный ветер. Вдали гремел гром; молнии постоянно пронзали темноту, и ландшафт казался призрачным.

Когда д-р Штайнер зачитывал грамоту, пошёл мелкий дождь. Но настоящая гроза с проливным дождём разразилась, только когда церемония уже закончилась. Для участников последующее буйство стихий слилось с мощным, потрясающим впечатлением от церемонии и образовало единое целое, что нашло отражение в большинстве последующих описаний этого события. Однако все смогли вернуться домой в сухой одежде. Правда, в глинистой почве холма, размягчённой строительными работами, вязли ноги, и там осталась не одна галоша; госпожа фон Сиверс даже была вынуждена оставить там один ботинок.

В грамоте Камня Основы содержались важные сообщения. Она была вложена в медный двойной додекаэдр, который затем был запаян. Камень Основы, несомый д-ром Пайперсом на вытянутых руках и удерживаемый на длинных ремнях двумя членами общества, опустили на девять ступеней вниз к месту, где он должен был покоиться. Он был расположен так, чтобы большой додекаэдр был обращён на Восток, а малый — на Запад. — Это расположение было обратным по отношению к пропорциям здания.

Камень, на который госпожа фон Сиверс положила букет роз — двенадцать красных и одну белую, — архитектор Шмидт и инженер Энглерт засыпали землёй.

После этого д-р Штайнер протянул скрещенные руки стоящим у Камня Основы: госпоже фон Сиверс, госпоже Штинде, господину д-ру Гросхайнцу, господину д-ру Пайперсу, архитектору Шмидту, инженеру Энглерту. Затем все поднялись на поверхность земли, последним был д-р Штайнер.

После этого д-р Штайнер рассказал о том ответе², который духовная наука с её благой вестью может дать на призыв к духу, и о том, что, если бы человеческие души обрели понимание, могло бы быть возвещено Пятое Евангелие. — И первой из этого пятого Евангелия им была прочитана макрокосмическая молитва «Правят злы...»³ — отражение микрокосмического «Отче наш».

«Таким образом, расходимся мы — унося в наших душах сознание серьёзности и значимости совершённого нами. Сознание, которое должно остаться от этого вечера... зажигая в нас стремление познавать данное человечеству новое откровение, которого жаждет человеческая душа и пить из которого она будет, — но только тогда, когда бесстрашно обретёт веру и доверие к тому, что может возвестить наука о духе. Наука о духе, которая должна снова соединить то, что в ходе человеческой эволюции вынуждено было на некоторое время

² Приведён в тетради №2 «Из содержания эзотерической школы».

³ Подробнее об этой молитве см. GA 148, «Из исследования Акаши. Пятое Евангелие», лекции №4, 5. — *Прим. пер.*

оказаться разделённым: религию, искусство и науку. Давайте же воспримем это, мои братья и сёстры, как то, чего мы не хотели бы снова забыть; как память об этом совместно празднуемом часе».

Затем в присутствии д-ра Штайнера последовало укрывание и бетонирование Камня Основы. Около 8:30 эта незабываемая церемония подошла к концу.

Макс Бенцингер От очевидца закладки Камня Основы

Господин д-р Штайнер сказал мне, что нужно изготовить Камень Основы для дорнахского здания. Он должен быть сделан из меди и состоять из двух додекаэдров, больший из которых размером 63 см, а меньший — 54 см. Остальное он предоставил мне, ведь я был его «волшебный мастер», как он меня называл. <...>

Я приступил к расчёту граней Камня Основы, чтобы получился нужный диаметр, и для этого сделал сначала небольшую модель. Затем я нашёл в Мюнхене медника, в мастерской которого изготовил Камень Основы. Дело продвинулось до того, что оставалось лишь спаять грани. Когда большой додекаэдр был готов, я приставил маленький, но затем пришлось прерваться, поскольку необходимо было заняться погрузкой вещей для поездки в Швейцарию, в том числе и оборудования для столярной мастерской в Дорнахе. Таким образом, я прибыл в Дорнах 10 сентября 1913 года. Господин П. привёз туда Камень Основы 17 сентября.

В тот же день, когда мы были на вершине дорнахского холма и определяли различные точки, было намечено и место, где должен быть заложен Камень Основы. В Вилле Ханзи, находившейся неподалёку от места строительства, обосновалось строительное бюро, и Камень Основы сначала прибыл туда. В 7:30, когда мы были уже наверху, на строительной площадке, пришёл д-р Штайнер, взял лопату и сделал три первых копка на том месте, где должен был быть заложен Камень Основы. Затем д-р Штайнер передал лопату архитектору Ш., А., фон М., д-ру П., К., Л., Бр. и, наконец, мне. Каждый копнул три раза, отбрасывая землю в специальную тачку. Меня охватил священный трепет, когда я наблюдал за совершающимся действием, в которое и сам был вовлечён, и полный благоговения, с Р-словами⁴ в мыслях, совершал свои копки лопатой. Потом стало уже совсем темно, я зажёл фонарь и проводил господина Доктора вниз по склону, к Вилле Бродбек, в которой он жил. (Господин Доктор прибыл в Дорнах 15 сентября, и я помогал ему добраться от вокзала до Виллы Бродбек.)

Затем я снова вернулся на строительную площадку. Было решено копать самостоятельно, — казалось, что за полдня и одну ночь сделать это возможно. Мы верили твёрдо и начали возить наполненные тачки вниз по холму, но уже через четверть часа результат того, что работа была непривычной, стал очевиден, а ещё через полчаса все уже так устали, что объём работы пришлось оценивать иначе, чем вначале, поскольку, чтобы выкопать яму размером в шесть метров и глубиной в метр и три четверти, требуется время. В последующие дни в работе принимали участие от пятнадцати до двадцати человек, и всё было закончено только к закладке Камня Основы.

Пока другие копали, мы с Бр. отправились в Арлесхайм к плотнику, где изготовили всё необходимое для сооружения опалубки, внутренней и внешней, поскольку Камень Основы предстояло поместить в цементное ложе. Камень Основы лежит точно на оси с востока на запад, и д-р Штайнер сам определил эту линию в полдень с помощью хрустального шара,

⁴ Вероятно, имеется в виду трёхчленная розенкрейцерская формула.

который я привёз из Базеля. 19 сентября д-р Штайнер пришёл ко мне в подвал на Вилле Ханзи, где я занимался последними приготовлениями, и скорректировал всё так, чтобы закладка могла состояться в любой момент.

Господин Доктор принёс мне два пирита, один большой, длиной тридцать и высотой двадцать миллиметров, и один маленький (двадцать пять и пятнадцать миллиметров соответственно) и сказал, что я должен так закрепить оба пирита внутри Камня Основы, чтобы маленький пирит парил в центре большого додекаэдра, а большой — в центре маленького. Да, это была задача, которую удалось решить только путём долгих размышлений.

Теперь я задумался по поводу герметизации, и сказал господину Доктору: «У меня нет сварочного аппарата, чтобы запаять всё надёжно. Что же мне тогда делать?» Он ответил: «Но почему нельзя сделать это по-другому?» Я сказал: «Но ведь нельзя паять оловом». Он ответил: «Почему Вы сомневаетесь в этом?» Я сказал: «Если предмет, запаянный оловом, попадёт в землю, то через годы олово размягчится, и в Камень Основы попадёт влага». Д-р Штайнер ненадолго задумался и затем спросил: «Как Вы думаете, сколько времени потребуется олову, чтобы стать мягким?» Я ответил: «От восьмидесяти до ста лет». Тут на его лице появилась улыбка и он сказал: «Да, через восемьдесят-сто лет всё здесь наверху будет выглядеть по-другому». Я ощутил такую значительность этих слов, что совсем забыл спросить, как именно.

Решив проблему парения двух пиритов, я показал это господину Доктору, и когда он сказал: «Да, так это получится», — я установил оба пирита, каждый в центре своего додекаэдра. 19 сентября Камень Основы был готов, паяльные лампы заправлены бензином, приготовлено олово и паяльная кислота, так что ничего не было упущено. Я постоянно носил с собой олово и паяльную кислоту, чтобы не забыть о них в решающий момент.

Бетонирование ложа для Камня Основы (метр в высоту, метр двадцать в длину и семьдесят сантиметров в ширину) было закончено 20 сентября. В 8:30 утра господин Доктор и госпожа фон С. побывали в строительном бюро и осмотрели Камень Основы. Я как раз закончил заниматься пиритами, и разговор, который описан выше, произошёл именно тогда.

Теперь оставалось только дожидаться, когда прибудет кожа молодого бычка, чтобы можно было нанести на неё необходимое. В полтретьего она прибыла, и господин д-р Штайнер сразу приступил к этой работе. Кожа была белоснежной, толщиной около полумиллиметра и размером метр тридцать на девяносто сантиметров. Господин д-р Штайнер нарисовал на ней сначала большую яйцеобразную форму с проходящими через неё линиями и обозначил стороны света (O, W, S, N), а затем нанёс изображение Камня Основы с Р-буквами⁵.

Большой додекаэдр на рисунке был обращён на север. Слева и справа стояли слова, которые не могут быть здесь приведены, снизу три волнистые линии, а под ними — подписи членов правления строительного союза. День и час закладки Камня Основы должны были храниться в тайне, и никто не знал, когда произойдёт это событие, но все напряжённо ожидали его. После шести вечера д-р Штайнер объявил, что церемония должна состояться в семь часов. Как это обычно бывает, так и здесь произошло то, чего делать было нельзя: сразу были задействованы телефонные аппараты, были извещены другие члены общества, хотя на самом деле речь шла только о присутствующих.

В природе царило удивительное настроение. Весь день шёл дождь, глинистая почва размягчилась, так что порой люди стояли по щиколотку в глине, и некоторые дамы в полуботинках потеряли свою обувь. Это был настоящий сентябрьский день. Над вырытой ямой было натянуто полотно, чтобы можно было укрыться от дождя, и это были не маленькие капли, а уже настоящий ливень почти как из ведра. Однако к вечеру капли стали меньше. Мы сделали сооружение для костра, около метра в длину и столько же в высоту. Меня особенно

⁵ См. предыдущее примечание. Вероятно, это были буквы: E. D. N. — I. C. M. — P. S. S. R. (Полностью на латыни формула звучит следующим образом: «Ex Deo nascimur. In Christo morimur. Per Spiritum Sanctum reviviscimus»). В переводе на русский: «Из Бога рождаемся. Во Христе умираем. Духом Святым воскресаем».)

поразило в этот момент, что за десять шагов невозможно было ничего разглядеть, настолько было темно. Это было хорошо тем, что действие могло происходить без любопытствующих, так что никто не мог бы помешать. В семь часов пришёл господин Доктор с архитектором Шм., оба в синих фартуках. Камень Основы уже был здесь, а я держал наготове два мастерка, ремень для переноски, а также паяльные инструменты. Собралось порядка семидесяти членов общества, съехавшихся из близлежащих городов.

Были зажжены факелы и костёр, чтобы осветить место. Господин Доктор обратил наше внимание на величественность момента и зачитал грамоту с именами подписавшихся, сказав при этом, что Камень Основы является образом человеческой души. Затем он свернул грамоту и положил её внутрь. После этого приступил к работе я и запалял крышку. По-прежнему шёл дождь, но огонь продолжал радостно гореть. Когда я запечатал Камень основы, д-р Штайнер повернулся и произнёс тихие слова, затем Камень обвязали ремнём и стали опускать в бетонированную яму — господа Л., Бр. слева, господин архитектор Ш. и господин Гр. справа, а господин д-р П. ухватившись сзади — и положили так, что большая часть была обращена на Восток, а малая на Запад, обратно расположению куполов Бау. Затем господин д-р Штайнер также спустился вниз и заговорил. Прошло примерно полчаса; до этого момента я был так внутренне захвачен и так живо связан с происходящим, что совсем не смотрел на небо; но теперь я бросил взгляд вверх, и там было прекраснейшее и чистейшее звёздное небо, казалось, что звёзды совсем рядом. Венера и Юпитер стояли очень близко друг к другу на юго-востоке и сияли, так что это была первая из прекраснейших звёздных ночей, когда-либо виденных мною. Второй была новогодняя ночь 1922/23 года, когда Бау сгорел.

Углубление засыпали землёй, закрыли временной деревянной крышкой и поднялись наверх. Огонь всё ещё сильно горел, как и смоляные факелы.

Д-р Штайнер заговорил снова. Он говорил о серьёзности этого момента и упомянул о многом, включая то, что четыре Евангелия идут с Востока на Запад и ожидают отражения. Прадревнее, идущее от времён древней Луны и древнего Солнца, ныне отражено. Он дважды повторил одно и то же, и затем церемония подошла к концу. Было 8:20 вечера.

Затем я с лампой проводил господина д-ра Штайнера до Виллы Бродбек и снова вернулся назад. Многие уже разошлись, оставалось ещё примерно двенадцать человек. Мы сняли деревянную крышку, закрепили в яме железные прутья, приготовили песок и цемент и всё как следует забетонировали.